

Понятно, что в ходе упомянутых кампаний историки вели себя по-разному. Безопаснее было отмолчаться, не лезть в свалку, но даже молчание нередко требовало мужества. Сказал же Тихомиров: «Я в еврейских погромах не участвую». Однако не все могли отойти в сторону — иных обязывало положение. Как вспоминала Е.Н. Кушева, когда по велению сверху С.В. Бахрушину пришлось проводить заседание возглавлявшегося им сектора истории феодальной России Института истории АН СССР, посвящённое критике работ Б.Б. Кафенгауза, на него прислали специального «наблюдателя». К сожалению, Екатерина Николаевна не назвала мне его фамилии. Бахрушин не стал «громить» Кафенгауза, как негласно требовалось, а, пренебрегая «духом времени», повёл заседание так, что состоялся спокойный, совершенно академический анализ работ этого историка. Известно также, что стремился преодолеть общее давление и сдерживал «крови жаждущих» Дружинин. Тихонов приводит замечательный пример: вместо того, чтобы громить кого-нибудь из современников, Дружинин взялся критиковать П.Я. Чадаева. Ещё один эпизод относится к 1951 г., когда была объявлена «антипатриотичной» книга Е.В. Тарле «Нашествие Наполеона на Россию». На заседании в Институте истории АН СССР единственной, кто высказался против обвинений, оказалась М.В. Нечкина¹⁶. Вероятно, количество таких примеров можно и увеличить, хотя, скорее всего, они будут немногочисленны. Однако говорить и помнить о них нужно.

Моё внимание привлекло также рассуждение автора по поводу того поколения, которое пришло в науку после Великой Отечественной войны. Историк справедливо (и не единожды) заметил, что это были люди разные. Среди фронтовиков были не только те, кто вернулся домой и мечтал о карьере. «Нового декабризма» не получилось, однако в их памяти война оставила глубокий след. В.П. Данилов не мог забыть ни неожиданного для советского человека впечатления от жизни за рубежом, ни поведения офицеров за пределами Отечества. Кроме того, на молодые годы этого «призыва» пришлось ещё и такое для многих судьбоносное событие, как XX съезд Коммунистической партии. Отсюда, как мне кажется, идут повороты и изломы жизни Данилова, А.М. Некрича, историков «нового направления», А.А. Зимина.

Как видно, размышления над книгой уводят порой к темам, отдалённым от её содержания. Что ж, и в этом тоже её плодотворное значение.

Михаил Ковалёв: Сделаны ли выводы?

Mikhail Kovalev (Institute of World History, Russian Academy of Sciences; Archive of the Russian Academy of Sciences, Moscow): Are conclusions drawn?

DOI: 10.31857/S086956870005917-9

История советской научной интеллигенции, её возникновения, расцвета, упадка и рассеяния — одна из ключевых проблем отечественной интеллектуальной истории. Историческая наука, находясь в состоянии непрерывного обмена с окружающей средой, в полной мере испытала на себе последствия глубоких общественно-политических трансформаций. Их динамика неизменно бросала учёным новые вызовы. Всякая обыденная ситуация могла внезап-

¹⁶ Дунаевский В.А., Чапкевич Е.И. «Навеки в памяти народной» // Тарле Е.В. 1812 год. Избранные произведения. М., 1994. С. 486.

но трансформироваться в пограничную или экстремальную, жизненные риски становились повседневными, повторяющимися. Изучаемый В.В. Тихоновым период иллюстрирует это как нельзя лучше.

Учитывая огромный интерес исследователей и в России, и за её пределами к эпохе «позднего сталинизма», автор берёт на себя крайне непростую, даже рискованную задачу. Лишь за последние годы появилось несколько фундаментальных исследований¹⁷, посвящённых переменам и потрясениям в сообществе советских историков и их реакциям на переживаемое. Причём интерес исследователей к теме не затухает, что неудивительно, ведь проблема взаимоотношений учёных и власти, науки и идеологии по сей день сохраняет не только исследовательский, но и общественный интерес. Современный поворот от привычных методов работы исторической науки — систематизации и классификации «учений» и «идей» — к реконструкции культурного контекста развития мысли предполагает изучение жизненных стратегий учёных. Отсылая к методологии П. Бурдьё, автор говорит об особом «научном поле», в котором не только протекала интеллектуальная работа, но и складывались особые социальные связи, отношения, реакции на происходящее (с. 11). И хотя далеко не во всех частях книги Тихонов следует перечисленным во введении методологическим принципам, порой переходя на традиционную фактографию, поставленные им проблемы и вопросы отчётливо говорят о потребности реконструировать многомерный образ советской исторической науки первых послевоенных лет. Применение новых подходов, использование новой исследовательской оптики даст возможность нарисовать комплексную картину развития исторического знания в «пространстве внимания» (согласно терминологии Р. Коллинза, совокупность интеллектуальных событий, попадающих в поле зрения индивида). В книге таким «пространством» служат послевоенные идеологические кампании, сделавшиеся важнейшей составляющей духовной жизни сообщества историков.

Не ставя задачей сделать подробный обзор всей книги, позволю себе остановиться на отдельных её сюжетах. Для истории отечественной науки XX в. проблема взаимоотношений институтов власти и учёного сообщества является одной из ключевых. С одной стороны, власть была заинтересована в высококвалифицированных специалистах. С другой — препятствовала свободомыслию и независимому научному поиску, не укладывавшемуся в официальную идеологическую линию. Причём характер взаимоотношений науки и власти имел тенденцию к переменам и метаморфозам. Тихонову удалось сделать акцент как на внешних, так и на внутренних факторах развития знания и таким образом преодолеть традиционную бинарную оппозицию «наука—власть». Применённый подход позволил лучше понять особенности работы учёных в условиях общественных трансформаций и потрясений, их морально-психологическое состояние, социальное положение и этический облик, уяснить проблемы взаимоотношений со структурами власти и обществом, проследить карьерные траектории, соотношение научной кооперации с конкуренцией.

¹⁷ Трансформация образа советской исторической науки в первое послевоенное десятилетие: вторая половина 1940-х — середина 1950-х гг. / Под ред. В.П. Корзун. М., 2011; Юрганов А.Л. Русское национальное государство. Жизненный мир историков эпохи сталинизма. М., 2011; Сонин А.С. Борьба с космополитизмом в советской науке. М., 2011.

Индивидуальный и коллективный опыт учёных был вписан в пространство власти, которое в Советском Союзе было весьма широким. В него включались практики управления, подчинения, авторитета, взаимоотношений руководства и подчинённых. Обратимся вновь к Бурдье, который замечал, что ключевую роль в воспроизводстве социальных отношений господства играет способность занимающих властные позиции (в данном случае руководители научных организаций, высших школ и их подразделений) навязывать свои культурные и символические практики. Исследовательские ракурсы книги позволяют выявить этические нормы и систему ценностей сообщества историков, механизмы конструирования научной корпорации и саморегуляции её внутренней жизни. Кстати, не совсем убедительным кажется авторское мнение, будто карьерный взлёт ряда учёных в послевоенные годы стал причиной их морального падения из-за необходимости идти на компромиссы с совестью (с. 382). Полагаю, процесс нередко был обратным: низкие моральные качества и отсутствие нравственных ориентиров способствовали выдвижению беспринципных людей. По сути, происходил отрицательный отбор.

Тихонову удалось препарировать механизмы идеологических кампаний, рассмотреть их не как «коллективное безумие», а как социальное действо, имеющее свою логику. Речь идёт о столкновении двух культур — партийной и научной, причём первая насквозь пронизывала вторую. В то же время корпорация историков являлась «сложносоставной системой». Нередко поведение того или иного её члена в годы идеологических кампаний определялось его мировоззренческой позицией, принадлежностью к той или иной возрастной группе, научной школе.

В этой связи крайне интересны разделы, посвящённые «маленьким людям», которые служили катализатором погромных кампаний, обостряли конфликтные ситуации. Замечу, что далеко не всегда они выполняли спущенный сверху заказ, напротив, умело подыгрывали «генеральной линии», извлекая для себя пользу. Такие «маленькие люди» существовали, разумеется, не только в исторической науке. На ум приходит географ С.И. Савенков, запечатлённый в воспоминаниях моих старших учителей и мемуарных текстах. Будучи не самым квалифицированным учёным и преподавателем, он сделал карьеру на доносах и кляузах как раз в годы позднего сталинизма. Потеснив более талантливых и работоспособных коллег, он стал деканом географического факультета и заведующим кафедрой экономической географии Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского. Однако в корпоративной памяти остался лишь человеком небольшого роста, «семенящим... по университетскому двору с неизменной папкой или портфелем подмышкой, в которых содержались неперенные жалобы, заявления на кого-нибудь»¹⁸.

Применённые в книге подходы дают возможность взглянуть на карьеры учёных сквозь призму мотивации к достижениям, связанной, среди прочего, с особенностями социализации и с ценностными ориентациями. Автор отдаёт себе отчёт в сложности и многомерности этого феномена, в основе которого, помимо активной работы и здоровой конкуренции, лежали конформизм, доносительство, публичные разоблачения, проявлявшиеся в виде не только анонимок, но и вполне официальных, открытых писем во власть. Последние служили наглядным проявлением сотрудничества с режимом и поощрялись как сред-

¹⁸ Аврус А.И. О друзьях-товарищах. Саратов, 2012. С. 94.

ство социального контроля. Механизмы конфликтов крайне сложны и противоречивы, и далеко не всегда они вызывались идеологическими причинами. В подобных ситуациях проявлялись борьба за власть в науке, утверждение любой ценой подлинного или мнимого авторитета или же банальная зависть. Причём жертвами становились не только «идеологически чуждые элементы», но и правверные члены корпорации: «Иммунитета... не было ни у кого» (с. 283). Даже покровительство научных авторитетов не могло защитить от идеологических проработок, а значит и от карьерных сломов (как в случае с С.А. Фейгиной).

Всякое научное сообщество пытается как можно быстрее забыть о такого рода столкновениях, конфликты и скандалы традиционно вытесняются из поля рефлексии. Потому особо интересны размышления автора о месте идеологических кампаний в корпоративной памяти отечественных историков. Соглашусь, что воспоминания о пережитых потрясениях в дальнейшем мешали формированию корпоративной идентичности — слишком плохо вписывались они в представления о поступательном развитии советской науки, о единстве представителей корпорации и их моральной монолитности. Также, полагаю, Тихонов не ошибается, когда говорит, что вытеснение из памяти нередко связывалось с нежеланием учеников разрушать миф о своих учителях. На этой почве произрастали мифы: например, А.Л. Сидоров стал представляться не как активнейший участник кампаний и проработок, а основатель «нового направления» советской историографии. Образ учёного не просто выводился из тени погромных кампаний, но героизировался, подчёркивалось его «мужественное поведение в годы проработок», он представляется как человек, «всячески боровшийся с антисемитизмом и спасавший исторический факультет от погромов» (с. 382). Это при том, что нет недостатка в свидетельствах об обратном. С непроработанной травмой Тихонов связывает и «войны памяти» новейшего времени, в том числе «мемуарную войну» медиевистов. В этой связи советую ему обратиться к книге профессора Н.И. Девятайкиной¹⁹, в которой детально рассматривается история локального научного центра — кафедры истории Средних веков Саратовского государственного университета.

Тихонов утверждает, что особенность протекания идеологических кампаний в той или иной научной дисциплине определялась её внутренним состоянием, и что среда историков из-за свойственных ей внутрикорпоративных конфликтов оказалась благодатной почвой для развернувшихся погромов (с. 375). В этой связи интересна перспектива компаративных исследований, связанных, например, со сравнением практик идеологических кампаний в разных отраслях науки. Можно ли говорить об общих сценариях, общих механизмах и общности социальных практик участников?

Поднятые в книге проблемы относятся к числу стержневых для истории советской науки. Они носят сквозной характер, позволяют уяснить многие моменты жизни учёной корпорации, которые ещё не стали объектом системного изучения, углубить и обобщить уже сделанные наблюдения, выявить общее и различное в динамике интеллектуальной жизни. Однако закончу рассуждения о книге на минорной ноте. По прочтении вопрос «сумело ли сообщество отечественных историков извлечь все уроки из опыта идеологических кампаний “позднего сталинизма” и выработать иммунитет к подобным действиям?» остался для меня открытым.

¹⁹ Девятайкина Н.И. С.М. Стам и его кафедра: 50 лет в университетском городе Саратове. Саратов, 2013.